

ЦИКЛ «МЕТАМОРФОЗЫ»:

VITA NOSTRA

ЦИФРОВОЙ, ИЛИ BREVIS EST

МИГРАНТ, ИЛИ BREVI FINIETUR

VITA NOSTRA:
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

МАСШТАБ

АРМАГЕД-ДОМ

ЛЕОН

ДОЛИНА СОВЕСТИ

МЕТАФАНТАСТИКА
МАРИНЫ И СЕРГЕЯ ДЯЧЕНКО

The background of the entire cover is a white field with thin black lines radiating from the center towards the edges, creating a sunburst or starburst effect. The lines are of varying lengths and angles, creating a dynamic, geometric pattern.

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ДОЛИНА
СОВЕСТИ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Д99 **Дяченко, Марина Юрьевна.**
Долина Совесть / Марина и Сергей Дяченко. —
Москва : Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-168725-0

Влад обаятельный писатель, его любят друзья и родители. Женщины готовы ради него на все — даже рискнуть жизнью. Не спешите завидовать — это не дар, а проклятье. Влад вынужден жить в уединении, и ему придется прочувствовать эти темные узы после встречи с загадочной Анжелой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168725-0

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...**Я** чудовище.

Внешне я ничем не отличаюсь от миллионов других людей. У меня круглое лицо, карие глаза, темные волосы, узкие губы и мягкие уши. В апреле на щеках высыпают веснушки. Я не кажусь опасным. Мне часто симпатизируют.

Послушай! Мне так нужен хоть кто-нибудь, знающий обо мне всю правду... Разреши, я буду писать тебе? Только писать? Если не хочешь — не отвечай...

Я ведь не всегда был таким.

Это началось, когда мне было лет двенадцать или тринадцать.

Потом как-нибудь — потом! — я тебе расскажу...

Глава 1

МАЛЬЧИКИ

Влад не собирался ссориться с Кукушкой.

Собственно говоря, дружить с Кукушкой он не собирался тоже; в идеале Влад не хотел бы иметь с Кукушкой ничего общего, но идеал этот был недостижим. Общими оставались пространство, учителя и перемены — особенно перемены, время нужное и полезное, но отравленное Кукушкиным присутствием.

Когда-то очень давно — классе во втором — они подрались. То была, вероятно, совсем детская драка — со слезами, соплями, тычками и подножками; теперь Влад думал, что она даже смешной казалась со стороны, эта памятная обоим драка. Но именно после нее Кукушка перестал называть Влада тем самым словом, которое так отравило ему первый школьный год: в переводе на человеческий язык это короткое гадкое слово означало «сын гуляющей женщины, за ненадобностью подкинутый под чужую дверь».

И еще — после той драки Влад получил возможность не враждовать с Кукушкой и не дружить с ним. Он ценил свою независимость и не собирался рисковать ею, прекрасно понимая, что *теперь* драться придется совсем не с Кукушкой. Скорее всего, драки вообще не будет, а будет жизнь, превращенная в ежедневный ад, вот как у Ждана...

Собственно, из-за Ждана все и случилось. Из-за того, что у Ждана был день рождения.

У забитых и презираемых тоже бывают дни рождения. И самые наивные из них иногда надеются круто изменить свою жизнь — именно в этот день; Ждан явился в школу в белой и чистой — удивительное дело! — сорочке и неновом, но вполне приличном костюмчике. Ждан принес кулек шоколадных конфет и гитару; и то и другое с какой-то суетливой таинственностью спрятал за вешалкой. Кукушка наблюдал с усмешкой; день начался как обычно — Глеб Погасий, подсевший к Ждану по собственной инициативе, в начале урока поднял руку:

— Можно, я пересяду?

Кукушка смотрел благосклонно. Девчонки хихикали; Глеб пробормотал извиняющимся тоном:

— Не могу, от этого мальчика опять так воняет...

— Вечно одно и то же, — раздраженно бросил математик.

Глеб пересел — присоседился к Владу; Ждан стерпел. Он еще не то терпел; возможно, сейчас он тешил себя мыслью, что *это* — в последний раз.

Ждан вовсе не был слабаком или тютей и, уж конечно, не был дураком. Ждан если и был полноват, то не слишком; просто он не подружился вовремя с Кукушкой — и поплатился за это тяжелее прочих, потому что у него была одна несчастная особенность: от него воняло.

Вероятно, его пот имел какой-то специфический состав. Вероятно, ему следовало почаще мыться; чем старше становился Ждан, тем заметнее делался запах, тем веселее шутили Кукушкины друзья, тем демонстративнее морщились девчонки.

Но сегодня был день рождения Ждана, и, возможно, накануне он два часа просидел в остывающей кадushке с раскисшим мылом в руках (Влад знал, что в квартале, где обитала семья Ждана, горячая вода бывает только в кадushках, и то — если ее предварительно согреешь в котле, а уголь в этих домах берегут как зеницу ока). Так или иначе — но от Ждана почти не пахло, и демарш Глеба на первом уроке был всего лишь цирком в угоду Кукушке, впрочем, как всегда...

На большой перемене Ждан носился по классу, раскладывая конфеты по партам, всем по две, а Кукушке — четыре. Потом, ударяя по струнам судорожно скрюченной рукой, что-то спел — совсем неплохо; Кукушка слушал, жуя, и по выражению его физиономии нельзя было понять ничего — странная безучастность на лице двенадцатилетнего мальчишки...

Впрочем, к тому времени Кукушке уже почти исполнилось тринадцать.

Прихлебатели тоже жевали и слушали — старательно нагоняя на лица скуку, им это было нелегко, потому что из-под наигранного равнодушия так и лезла привычная ухмылка. Линка Рыболов, ближайшая Кукушкина подруга, что-то шептала ему сзади на ухо; Кукушка кивал. Когда Ждан закончил петь, Кукушка вытащил изо рта белый комочек жвачки — но пульнул его не в Ждана, как ожидали многие, а в классную доску.

К налипшему шарiku сразу же добавилось еще пять или шесть — доска сделалась похожей на звездное небо, а Ждан просиял, потому что Кукушкин жест означал для него амнистию...

Во всяком случае, так ему показалось.

Перед самым звонком дежурные поспешно очистили доску и убрали валяющиеся в проходах фантики; оставшиеся три урока минули без происшествий, разве что Ждан отличился, напросившись на ответ по географии и получив заслуженную пятерку...

А после уроков все тот же Глеб Погасий зачем-то подошел к Ждану прощаться. И прощался долго и проникновенно, так что именинник смутился; когда Глеб отошел, в последний раз хлопнув Ждана по плечу, на спине у того остался наклеенный липкой лентой листок бумаги.

Линка Рыболов спряталась за шкаф, зажала рот руками и зашлась в беззвучной смеховой конвульсии.

Прочие отводили взгляд. Кто-то хихикнул — и сразу сник под Кукушкиным взглядом; Ждан почувал неладное, но не понял, откуда беда. Именинное настроение еще не померкло, еще верил, глупенький,

что Кукушку можно подкупить четырьмя шоколадными конфетами...

Те, кто не желал принимать участие в шутке — в основном девчонки, — поспешно смылись. Прочие копались в портфелях, ожидая, пока уйдет Ждан, чтобы сразу же выйти следом.

Влад разглядел табличку, когда Ждан был уже в дверях. Коротенькое гадкое слово, означавшее пожирателя кашек, снабжено было подробной чернильной иллюстрацией — как именно, где и кем эта трапеза совершается.

Влад не первый год учился в одном классе с Кукушкой и умел разговаривать не только по-человечески, но и на хлестком «кукушкином» языке — однако его чуть не стошнило. Он узнал руку Линки Рыболов — та не раз брала призы на каких-то конкурсах юных художников...

Ждан брел по длинному школьному вестибюлю; Владу вдруг страшно захотелось, чтобы по дороге ему встретился кто-то из учителей. Чтобы заметил белую бумажку на черной школьной курточке — и отлепил ее от сторбленной спины именинника.

А потом последует нудный «воспитательный» час, нотации и выяснения, и Ждан, опять оказавшийся в центре всеобщего издевательского внимания, будет сидеть, втянув голову в плечи (он ведь старается не плакать на людях!). А Глеб Погасий снова будет объяснять, что от этого мальчика воняет, а Линка Рыболов, красивая девчонка с почти сформировавшейся фигурой, будет хлопать длинными ресницами и отпускать реплики, будто оправдываясь, и полкласса будет валиться под парты от смеха...

Нет. Пусть лучше Ждан придет домой (через три длинные улицы) и, сняв куртку, сам обнаружит на

спине своей художественную нашлапку. Никто не увидит его лица — если рядом не окажется матери или сестер. Потом соберутся гости — взрослые приятели Ждановых родителей, будут громко пить за его здоровье, а Ждан запрется в своей комнате...

Влад вдруг ясно понял, что на месте Ждана в такой ситуации просто лег бы и умер. Вот окошел бы от стыда и унижения — под здравицы пьяных гостей, доносящиеся из-за тонкой стены...

Школьный вестибюль был пуст — младшеклассники давно разошлись, старшие были уже на седьмом уроке. На расстоянии двадцати шагов за Жданом следовали, давая смех, Кукушкины прихлебатели. Ждан толкнул входную дверь.

Влад не собирался ссориться с Кукушкой. Вот если бы сегодня в школу пришел Димка Шило, Владов друг, — они бы вдвоем что-нибудь придумали... Но Димку сегодня повели к врачу, и его не будет. Влад совсем один, и зачем ему ввязываться...

Длинные шнуры Ждана стелились по земле. Владу ничего не стоило наступить ненароком на один из них, так что при следующем шаге Ждана из неаккуратного бантика получились две еще менее аккуратные веревочки.

— У тебя шнурок развязался, — сказал Влад равнодушно.

И когда Ждан наклонился, чтобы восстановить погибший бантик, — протянул руку и отлепил картинку с его спины. Скомкал и сунул в карман.

— Ты чего? — спросил Ждан, что-то уловивший краем глаза.

— Ничего, — сказал Влад.

Ждан подозрительно на него покосился. Потом сделал то, чего не делал ни разу в жизни, — подошел

к тройному зеркалу, помещавшемуся у входа, и осмотрел в него свою спину...

Ничего не увидел, пожал плечами — и пошел домой. Отмечать день рождения.

* * *

— Ты оборзел, придурок? Ты это рисовал, что теперь рвешь, засранец вонючий? Ты, блевотун, всему классу кайф обломал!

Глеб Погасий шипел, брызгая слюной, и зловеще прищуривал глаз, но Влад прекрасно понимал, что ему нужен сейчас не Глеб. Что единственное его спасение... Если оно вообще-то есть, спасение... Что оно стоит у Глеба за спиной, шагах в пяти. Что нужно до него добраться — сейчас. Завтра будет поздно... Завтра только ленивый не наклепит свою жвачку на его портфель, не плюнет в стакан с яблочным соком, не подхватит радостно то самое слово, так отравившее первый школьный год и теперь извлеченное — молодец Кукушка, ничего не забывает! — из каких-то особенных сундуков с отложенными до времени подлостями...

Влад не собирался ссориться с Кукушкой.

Владу ни к чему был этот демарш. Ждан не один год жил официальной жертвой. Это Влад полез бы вешаться от какой-то там бумажки, а Ждан — он выносливый...

По физкультуре у Влада было «четыре». Он неплохо бегал и здорово играл в футбол, зато подтягивался плохо и силовых упражнений не любил. Вот если бы рядом оказался Димка Шилов... Если бы сегодня, именно сегодня не вмешались в ход событий проклятые Димкины гланды...

Оставалась призрачная возможность, что все обойдется. Что завтра ничего не изменится. Забудут, не захотят связываться, простят, и надо только построить гримасу попрезрительнее, обойти Глеба — он все равно не дерется, только языком пачкает — и идти, идти себе спокойненько домой...

А Кукушка, стоявший у Глеба за спиной, был, несомненно, доволен. Что ему Ждан, давно наскучившая игрушка, когда можно прищучить кое-кого поинтереснее...

Не сводя глаз с орущего Глеба, Влад прижал подбородок к груди.

Как противно, как пусто, как щекотно в животе. Как слабеют колени. Как просто повернуться и уйти... перепрыгнув через Глебову подножку...

Рядом стояли Супчик и Клоун, оба на голову выше Влада, да и Кукушки выше на голову, переростки. Надо разозлиться, но злости нет. Только страх и брезгливость, но страх сильнее. Ну что вспомнить, ну?! Как Кукушка сует дохлого котенка в портфель Марфе Чисторой? Как Кукушка, привязав веревку к лапе живого воробьяныша, раскручивает его над головой под гогот прихлебателей? Как Кукушка лепит комочек жвачки на лоб покорного Ждана?

Вместо всего этого вспомнилось одно короткое слово. «Сын гулящей женщины, за ненадобностью подки...»

Удар Супчика удалось отбить, но рука сразу онемела. Удар Клоуна пришелся в ухо — у Влада потемнело в глазах, а мир вокруг запищал, но не по-комариному, а так, как пищит иногда забытый телевизор, показывая настроенную таблицу...

«Сын гулящей женщины... за ненадобностью...»

Супчик скорчился, держась за бок. Из носа Клоуна

летели какие-то бесцветные брызги, а Владов нос давно превратился в бесформенный комок боли. У Кукушки были мягкие, очень коротко остриженные волосы, зато ухо было большое, удобное, и...

Тьма перед глазами сгустилась.

— Дай ему! Дай ему еще! — надрывалась где-то рядом Линка Рыболов.

...и ни капли страха.

* * *

Влад стоял над светло-коричневой лужей в форме сердца. В луже отражались огромные ноги, выше маячили в рыжем небе узкие плечи, а над ними — совсем уж маленькая голова. Отражение подергивалось от ветра и оттого, что из разбитого носа нет-нет да и падала тяжелая капля.

Совсем рядом были чьи-то куры, бродящие у подножия детской железной горки. Ниже по склону — красные черепичные крыши, весенняя грязь на размытой дороге, причем на обочине валялся башмак, широко зевая беззубым, на клею, ртом...

В глубине души Влад надеялся, оказывается, что все это будет серьезнее. Что в один прекрасный момент он просто потеряет сознание, а потом над ним склонятся, как в кино, хлопотливые врачи, что случится «Скорая помощь», шум и разговоры, и большое собрание в школе, что героя, бившегося в одиночку против многих, будут ставить на ноги долго и трепетно, что все станут уважать его, и недельки через четыре, когда наконец он, бледный и похудевший, явится в свой класс — там уже не будет ни Кукушки, ни полотины его прихлебателей, а оставшиеся — например,

трусливый Глеб Погасий — станут по струнке и не посмеют больше слова сказать без разрешения...

Теперь он был даже разочарован. Потому что нос болел ужасно, куртка была разорвана во многих местах, колено не сгибалось... и ничего героического в этом не было. Придется самому хромать домой и объяснять маме, что случилось, и видеть, как опускаются уголки ее рта и как оседают плечи. А завтра — ну, пусть не завтра, но послезавтра точно... придется идти в школу, не победителем, а побитым, подставлять лоб под жвачку, подставлять зад под унижительные пинки исподтишка, с хихиканьем, с шуточками... Читать всякие надписи на стенах в туалете, а как их не прочитывать, если они полуметровые...

И это проклятое слово!..

Он переступил с ноги на ногу, по луже кругами разошлись маленькие волны. Куры, подобравшиеся совсем близко, шархнулись прочь.

...Придется драться, драться, драться. За каждую ухмылку следует бить по морде, а сколько их будет? Влад невольно потянулся к носу, коснулся и отдернул руку — черт, как больно.

И Димке достанется — из-за него, из-за Влада...

А что скажет мама?!

Придется бросить сочинительство и шахматы и пойти на какой-нибудь бокс... или бой без правил... Мечтать о реванше... И всю жизнь превратить в такой вот неправильный бой: ради чего?! Из-за кого?! Как унижительно, какой-то там Кукушка будет ему указывать, о чем мечтать и чем заниматься...

Влад поднял с земли грязный портфель. Половина тетрадок потерялась, еще придется оправдываться перед учителями... Может быть, выбрать кухонный нож, у которого сталь получше, и наточить на Кукуш-

ку? Но тогда в исправительную колонию загремит он, Влад, а Кукушка, наоборот...

Не додумав, он закинул портфель на плечо — поморщился от боли — и побрел, не разбирая дороги, мимо беззубого башмака, мимо кур, мимо горки, мимо кем-то выброшенного плюшевого зверя, неприятно похожего на настоящую падаль, побрел, хромая, шмыгая носом, сам не зная, зачем и куда.

Ноги привели не домой, а к Димке. Влад позвонил. Долгие две минуты ждал: если «Кто там?» спросит Димкина мама — будет еще время потихоньку слинять...

— Кто там? — спросил мрачный Димкин голос.

— Я, — быстро сказал Влад.

Дверь открылась. Димка разинул рот, собираясь что-то сказать, — и так и замер, будто проглотив теннисный мяч.

— Мне помыться надо, — сказал Влад. — И... Дай какую-нибудь рубашку. А то мать перепугается до смерти.

Димка ни о чем не спросил.

Все и так было ясно.

* * *

— Разумеется, — сказал врач. — Совершенно все ясно, полное горло ангины, можете сами глянуть...

И снова посветил фонариком в несчастное Владово нутро.

Мама тяжело вздохнула. Врач сочувственно поцокал языком:

— Ничего страшного... Горло полоскать, нос заживет сам, синяки сойдут... Хотя на вашем месте я бы все-таки сходил в школу.

Мама кивнула. Влад ничего не сказал — говорить было, во-первых, больно, а во-вторых, бесполезно.

— Это в первый раз такое, — дрожащим голосом проговорила мама.

Врач понимающе покивал, выписывая рецепт. На кончике его ручки болталась шелковая кисточка — ручка была сувенирная, кем-то из родственников откуда-то привезенная и теперь хранимая в нагрудном кармане, оберегаемая, «говорящая»...

— Освобождение пока на неделю, — сказал врач, — а там посмотрим. Полоскание каждые два часа, витамины, теплый чай...

Влад откинулся на жесткую, стоямя поставленную подушку. На неделю он свободен от школы. Семь дней... И все сначала. Кукушка ничего не забывает, что ему какая-то неделя?!

Вернулась мама, проводившая врача. Остановилась посреди комнаты, хотела что-то сказать — но передумала. Снова вздохнула, удалилась на кухню, вскоре засвистел чайник...

Влад распластал подушку и лег, закрыв глаза. Надо собраться с доводами и объяснить маме, почему ходить в школу ей не следует...

Доводы не желали собираться. Беспорядочно разползались, будто сваленная в огромную кучу старая обувь.

* * *

Все мальчишки, которых воспитывают мамы, вырастают похожими на девочек. Эту глубокомысленную фразу Влад слышал тысячу раз — в детском саду, в школе, во дворе. У него даже был одно время взрослый знакомый, студент-технар, который на полном

серьезе утверждал, что для того, чтобы «вырваться из-под маминого подола», Влад должен ежедневно прилагать уйму специальных усилий: лазать по крышам, убегать с уроков, бить из рогатки фонари — короче, вести себя как «нормальный мальчик». Не как «маменькин сынок».

Студент был красноречив и даже в чем-то убедителен. Влад так и не понял, зачем ему понадобилась эта агитационная кампания против «сидения под юбкой»; вероятно, дело было в каких-то собственных студентовых проблемах. У студента были голубые, выпуклые, очень выразительные глаза; глядя прямо в эти глаза, Влад сказал однажды, что ему не нравится лазать по чердакам. Что у него есть дела поважнее. И что, если придется выбирать, огорчить ли маму или презирать «мужчину» в себе, — он, Влад, с легкостью пожертвует «мужчиной». Потому что на кой черт такой «мужчина» нужен?!

Ему было одиннадцать лет.

Студент скривился, как от кислого, и навсегда раззнакомился с «сынком» и «любимчиком». И Влад не жалел о потерянном знакомстве. Просто у студента, наверное, не сложились отношения с собственными родителями...

Теперь, лежа в постели, Влад шкурой ощущал, как мама растеряна и огорчена. И как ей хочется пойти в школу — не то затем, чтобы пожаловаться директору, не то затем, чтобы собственноручно кинуться в драку и приложить об стенку всех школьных «кукушек», не разбирая, кто прав, кто виноват.

И как ей хочется расспросить его, Влада, и как она сдерживается. Молчит.

— Мам, — позвал Влад.

Она подошла. Молча села на край кровати.

* * *

Прошло пять дней. На улице сделалось ощутимо теплее. Синяки в который раз поменяли оттенок, горло успокоилось и почти не болело, и, что самое неприятное, упала температура — ртутный столбик застрял на отметке тридцать шесть и пять, а колдовать над термометром, как это принято у ленивых школьников, Влад считал ниже своего достоинства.

Вставать не хотелось. Грустное словосочетание «постельный режим» обернулось на этот раз убежищем, хомячьей норкой под тоннами снега, и Влад лежал в ней, подтянув колени к животу и укрывшись чуть не с головой. При мысли о школе накатывала тоска, грязно-бурая, похожая на сухую засвеченную фотобумагу.

Мама по-прежнему ни о чем не спрашивала. Ждала, пока Влад расскажет сам; он колебался. Не хотелось перекладывать свои проблемы на мамины плечи. Не пойдет же она драться с Кукушкой, на самом деле...

Димка звонил каждый день, но Влад просил его пока не приходить. Димка был человеком тактичным и не настаивал.

Врач тоже был человеком тактичным, но от его посещения отвертеться не удалось.

— Как ты себя чувствуешь?

Влад пожал плечами.

— Ну еще дня на три я могу тебе дать освобождение, — сказал врач вполголоса, когда мама зачем-то вышла на кухню. — Но не больше... понимаешь? Проблемы все равно надо как-то решать...

Влад кивнул. Врач распрощался.

— Может, позвонишь кому-нибудь, узнаешь уроки? — спросила мама.

— Да, — сказал Влад.

В тот же момент задребезжал телефон.

— Тебя, — сказала мама.

— Димка?

— Нет. Какая-то девочка...

С неприятным предчувствием Влад взял из ее рук тяжелую, не успевшую нагреться трубку.

— Привет, — сказал знакомый напряженный голос, — это Марфа Чисторой... Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — сказал Влад. — У меня ангина.

— Да? — Голос почему-то погрузнел. — А когда ты придешь в школу?

— Еще не скоро, — соврал Влад.

— Да?! — Голос прямо-таки зазвенел от напряжения. Владу представилось, как чистенькая Марфа сидит привязанная к стулу и под дулом пистолета задает ему дурацкие вопросы. — Ты что, серьезно болен?

— Говорю — ангина...

— Может, тебе уроки занести?

Владу сделалось смешно. Влюбилась она, что ли? Чисторой?!

— Не надо, — сказал он жестко. — Извини, мне нельзя много разговаривать.

И положил трубку.

* * *

Марфин звонок волновал его часа полтора — до самой темноты. У него даже улучшилось настроение — он вообразил себе, что слава его все-таки существует, что она расползлась по классу и по школе, что каждое утро девчонки дожидаются его у входа — а вдруг сегодня придет?! Что в глазах одноклассников он все-таки не побитый щенок, а человек, восставший

против Кукушки, храбрец, не побоявшийся выйти в одиночку против всей этой стаи...

В восемь вечера вдруг позвонили еще. Другая одноклассница, Дана Стасов, интересовалась его здоровьем.

«Сговорились они, что ли?» — почти весело думал Влад, повторяя почти слово в слово все, что сказал Марфе Чисторой.

Мама покончила с делами и села играть с Владом в шахматы. Странно, но он, против обыкновения, не получал от игры почти никакого удовольствия — все думал, и мысли его незаметно соскальзывали к выяснению, кто красивее — Марфа или Дана, и у кого больше глаза, и вообще...

— Твой ход, — в который раз напомнила мама. — Ты играешь или что? Я так не стану...

В этот момент телефон зазвонил опять.

— Влад? Это ты? Как ты себя чувствуешь?

Он, кажется, почти не удивился.

Они звонили одна за другой — девчонки из его класса, и те, с которыми он водился, и те, с которыми он не водился, и те, кто тайно вздыхал по нему, и те, кто не упускал случая сказать о нем гадость. Они звонили, чтобы узнать о его самочувствии; почти у всех — Влад обратил внимание — были испуганные, иногда на грани слез голоса.

Он разозлился. Издеваются? Девчонки? По наущению Кукушки? Но ведь половина из них никогда Кукушке не прислуживала, да и вообще...

Потом позвонил Ждан. Долго извинялся за беспокойство; предлагал сбегать за лекарствами, или принести уроки, или еще что-нибудь, мед, например, есть хороший...

Значит, все-таки слава? Признание?!